

УДК 308 (470.67) «14/18»

DOI: 10.21779/2542-0313-2023-38-3-16–23

Т.В. Гаджиев

**Кровная месть и матrimonиальное похищение женщины
в условиях традиционного Дагестана**

*Дагестанский государственный университет; Россия, 367000, г. Махачкала,
ул. Гаджиева, 43а; gatam@list.ru*

В статье развенчиваются циркулирующие в современном общественном сознании мифы, неоправданно архаизирующие традиционное дагестанское общество, исходя из недостоверных нарративов о бытовавших в Дагестане обычаях кровной мести и похищении женщины с целью женитьбы. На базе русских официальных источников, западноевропейского нарративного источника и памятников дагестанского обычного права, введённых в научный оборот в советскую эпоху, описываются правовые процедуры, связанные с имевшими место в традиционном Дагестане обычаями кровной мести и похищения невесты и раскрывается их подлинный социальный смысл.

Ключевые слова: *Дагестан, адат, кровник, судопроизводство, кровная месть, похищение невесты.*

Кровная месть и матrimonиальное похищение женщины, имевшие, как известно, место в условиях традиционного Дагестана, очень чётко регламентировались адатом, т. е. обычным правом, и принципиально отличались от того, как два этих явления воспринимаются современным общественным сознанием, а порой и как пережитки сохраняются в обществе.

В постсоветский период были созданы федеральные округа, и Дагестан оказался связан с Северным Кавказом в значительно большей степени, чем это имело место в РСФСР, когда бытовало устойчивое словосочетание «Дагестан и Северный Кавказ». Такое деление на регионы возникло в период имперской государственности: существовала Дагестанская область, объединявшая дагестанские этносы, и Терская область, объединявшая все остальные народы Северного Кавказа. Это было исторически обусловлено: относясь к северокавказской этнолингвистической общности, Дагестан с древнейших времён, а точнее, с так называемой куро-аракской археологической культуры, принадлежал в культурно-историческом плане к Южному Кавказу.

Но поскольку сегодня Дагестан на уровне бытового сознания соотносится именно с Северным Кавказом, на него закономерным образом переносятся многие явления общественной жизни, бытовавшие на Северном Кавказе, но совершенно не характерные для традиционного Дагестана. К числу таких явлений относится кровная месть, проявлявшаяся в нерегламентируемом, перманентном взаимоистреблении враждующих между собой семей, а также похищение женщины с целью женитьбы без её на то согласия.

Вместе с тем следует отметить, что и в Советский период в общественное сознание дагестанцев внедрялось именно указанное выше представление о правопримени-

тельной практике кровной мести и матrimониального похищения женщины. Таким образом Советская власть старалась подчеркнуть свои (действительно имевшие место) достижения в сфере социокультурного развития местного населения.

Аналогичным образом действовала и российская имперская власть, когда обосновывала свою цивилизаторскую миссию на Кавказе. При этом её представители в Дагестане действительно могли наблюдать случаи, когда кровомщение проявляло себя в нерегламентированной и даже беспорядочной форме взаимного истребления лиц, принадлежавших к враждующим тухумам. Но ими совершено не учитывалось то, что для Дагестана это было новым явлением, возникшим как следствие установления так называемого военно-народного управления в образованной в 1860 г. Дагестанской области. Эта наспех изобретённая форма управления пыталась примирить в вопросах судопроизводства дагестанское обычное право с правовыми понятиями Российской империи и вытеснить шариат, прочно ассоциировавшийся с движением под руководством трёх известных дагестанских имамов.

В результате тяжкие преступления, традиционно влекущие за собой кровную месть, были изъяты из сферы судопроизводства по адату и переданы в ведение имперских властей. Иначе говоря, преступление, заслуживающее кровомщения и совершённое в конкретном джамаате, ещё недавно представлявшем собой гражданскую общину [2], в соответствии с новыми правилами рассматривалось в суде, отчуждённом от места совершения преступления, который находился в центре определённого округа или даже самой Дагестанской области. И каким бы ни был приговор суда, объединённые в сплочённые тухумы родственники лица, в отношении которого было совершено тяжкое преступление, чувствовали себя ущемлёнными в их законном праве покарать или простить преступника.

При этом следует иметь в виду, что смертной казни, предусмотренной в соответствии с шариатом всеми четырьмя каноническими мазхабами в качестве безусловной меры наказания, в единой для всего Дагестана юридической системе [3, с. 140] не существовало. Но, как отмечал в первой четверти XIX в. консул французского короля на Кавказе Ж.-Ф. Гамба, «опасность заполучить врагов в лице всех родственников и друзей убитого, даже уверенность в том, что рано или поздно не удастся избежать их засады, обуздывали настолько же сильно, как и строгость наших законов» [4, с. 102].

Однако с включением Дагестана в состав Российской империи неотвратимость прежде понятного всем наказания стала зачастую подменяться произволом властей или каторжными работами «неизвестно на кого и неизвестно где», что влекло за собой поспешное самоуправство населения, не желавшего мириться с этим. В итоге в Дагестанской области действительно случались эксцессы на почве кровной мести, когда в каком-либо поселении в один день могло быть убито до нескольких десятков человек.

Ничего подобного не происходило в предшествовавшие времена в условиях традиционного Дагестана. Убедиться в этом можно, обратившись к такому официозному источнику, как «Сборник сведений о кавказских горцах» и опубликованным в нём материалам для статистики Дагестанской области, озаглавленным их составителем, начальником штаба войск Дагестанской области генерал-майором А.В. Комаровым «Адаты и судопроизводство по ним (с приложениями)» [5]. Это доказывает, что автор настоящей статьи не пытается приукрасить прошлое.

В традиционном Дагестане суд по адату вершился старейшинами того джамаата, к которому принадлежали тяжущиеся. Старейшины избирались на определённый срок народным собранием гражданской общины, также именуемой джамаатом. В разных местах они могли называться по-разному: *карт, кевх, чукби, адильбази, аксакал, ши-холати*

и т. д. Но, что важно, это были авторитетные представители своих тухумов, гарантировавших их независимость. При этом в такой гражданской общине, как Кубачи, срок их полномочий мог продлеваться до пожизненного [6, с. 194–195], а в такой, как Ахты, «ограничивался только желанием его тухума» [7, с. 26].

Широко известные памятники права и нарративные исторические источники сохранили не вызывающие сомнения свидетельства неукоснительного соблюдения адатов и принятых на их основании судебных постановлений. И это притом, что законодатель и судьи находились внутри самого гражданского сообщества и не могли опираться на принудительную силу извне. Из этого следует, что в традиционном Дагестане население каждого местного сообщества было убеждено, что всё предпринимаемое его законодателем и судом направлено на благо общины в целом и справедливо по отношению к каждому отдельному её гражданину. Поддерживаться такое морально-психологическое состояние в обществе может не иначе как за счёт открытого, гласного и состязательного судопроизводства.

Выносящие неправосудные решения судьи подлежали в Дагестане чрезвычайно жёсткому наказанию, о чём свидетельствует следующая норма: «За умышленное неправосудие виновный судья подвергается денежному взысканию соразмерно цене предмета, спор о котором был решен им; отрешается от должности и лишается права голоса на общественных собраниях» [8, с. 187]. Суровость данной нормы заключается не в штрафе, а в том, что таким образом прежде уважаемый член общины переходил в разряд недееспособных: рабов или умалишенных.

Круг преступлений, в наказание за совершение которых виновный объявлялся *канлы*, т. е. кровником конкретного тухума, ограничивался убийством и сексуальным насилием. А уличённый в краже из мечети, разграблении могил, разврате и иных подобных преступлениях, сопряжённых с кощунством или нарушением общественного табу, способным по своим последствиям дурно повлиять на нравственный климат в гражданской общине, объявлялся *канлы* всей общины. И что важно, к таким преступлениям относились убийство своего кровника после примирения и убийство родственника кровника вместо него самого. Как следствие, виновный в такого рода преступлениях мог быть на законных основаниях убит каждым из членов общины, но прежде всего это вменялось в обязанность его же родственникам.

Понятно, что в таком случае смерть виновного была практически неизбежна, тогда как кровника отдельного тухума не всегда убивали, поскольку существовал достаточно хорошо разработанный механизм для примирения.

Всякое убийство влекло за собой кровомщение. При этом в Дагестане убийства подразделялись на два вида: простое, когда кровомщению подвергался только убийца, признанный судом, и совершенное при отягчающих обстоятельствах, так называемое «*кара-кан*». К этому виду относились: убийство, совершенное из корыстных побуждений, по найму, из засады, в доме убитого, в мечети, под покровом ночи и т. п. За их совершение и сумма штрафа, возлагаемого на убийцу была больше, и вероятность кровомщения, поскольку примирение с родственниками убитого вряд ли было возможно. Вместе с совершившим убийство при отягчающих обстоятельствах суд назначал в *канлы* и определенное число его ближайших родственников, которые были обязаны последовать за ним в изгнание, однако убивать их не позволялось.

После совершения преступления убийца обязан был скрыться в своем доме, если он надеялся оправдаться перед судом, или покинуть поселение. В этом случае суд выносил ему приговор заочно, и только после этого его могли преследовать родственники

убитого. Как правило, убийцы так и поступали, а с промедлившего по какой-либо причине взыскивался дополнительный штраф в пользу общины. Напротив, обвиненный по подозрению и отстаивающий свою непричастность к убийству должен был оставаться в поселении до вынесения приговора, после которого в случае неблагоприятного для себя исхода также должен был скрыться.

Этот своеобразный домашний арест служил профилактической мерой, направленной на то, чтобы случайно встретившиеся кровные враги не могли в состоянии аффекта вступить в конфликт и уничтожить друг друга. Более того, даже родственникам подозреваемого в убийстве рекомендовалось не покидать своих домов до тех пор, пока судом не будет установлен убийца, т. е. лицо, подлежащее законному и безнаказанному кровомщению.

Находясь в изгнании, убийца часто перемещался с места на место, скрываясь от «ищащих крови *канлы*» родственников убитого. Его никто не должен был сопровождать во избежание быть случайно убитым, т. к. убийство случайного спутника *канлы* оставалось безнаказанным. При этом никто не должен был содействовать в розыске *канлы*, и тем более доносить о месте его пребывания «ищащим его кровь»: «По чьему доносу будет убит *канлы*, того вместе с семьей считать кровными врагами», – гласил адат [9, с. 82].

И столь же негативно адат относился к убийству *канлы* по найму, причём наниматель убийцы в этом случае подвергался лишь моральному осуждению, тогда как наниматель им становился законным *канлы* для родственников убитого. Вместе с тем найм частного сыщика, когда речь шла о менее тяжких преступлениях, например краже скота, в том числе верхового скакуна, не только допускался, но и практиковался в Дагестане повсеместно, как отмечал вышеупомянутый генерал А.В. Комаров.

Срок изгнания *канлы* зачастую был определен самим приговором и в различных джамаатах колебался от нескольких месяцев до нескольких лет, но не более семи. За этот период «ищащие крови» должны были либо убить *канлы*, либо примириться с ним, но были случаи, когда срок изгнания не определялся судом, а зависел от того, когда будет достигнуто примирение.

Со своей стороны родственники *канлы* через посредников прилагали все усилия, чтобы добиться примирения. И надо иметь в виду, что оказание помощи *канлы* в примирении с родственниками убитого рассматривалось в Дагестане не только как богоугодное, но и престижное дело, в связи с чем им охотно занимались все уважаемые лица данного поселения.

И тем не менее, достичь предусмотренного адатом примирения было очень не-просто, поскольку оно могло состояться, согласно А.В. Комарову, «только в том случае, когда все без исключения родственники убитого, как мужчины, так и женщины, соглашаются простить убийцу. Обыкновенно труднее всего бывает уговорить на это женщин, в особенности мать убитого».

По достижении договоренности о примирении необходимо было провести обряд, который мог иметь некоторые особенности в различных поселениях, но внутренний смысл его был един. В сопровождении нескольких уважаемых лиц и пользующихся авторитетом лиц духовного звания *канлы* являлся перед собравшимися по этому случаю родственниками убитого, демонстрируя всем своим видом добровольную готовность быть убитым ими и вместе с тем просьбу о прощении.

В таком положении он должен был находиться до тех пор, пока кто-нибудь из наиболее представительных родственников убитого не подойдет к нему и жестом или словом не даст знать всем присутствующим, что *канлы* прощен. После этого в доме прощенного *канлы* для родственников убитого устраивалось угождение, участие в котором

принимал и сам бывший *канлы*, который ел и пил вместе со своими недавними кровными врагами. По окончании угощения гости в большинстве случаев получали подарки, а бывшему *канлы* вменялось в обязанность в дальнейшем оказывать им всевозможные услуги, и нередко он считался побратимом своих бывших кровных врагов, заменяя таким образом убитого им.

Вне зависимости от описанного обряда, *канлы* должен был выплатить так называемый *дият* – плату за кровь, которая в одних общинах взималась в процессе примирения до вышеописанного обряда, а в других общинах – сразу после совершения убийства или решения суда. В этом случае *дият* ничем не отличался от так называемого *алыма* – платы, которую под давлением общины семья и родственники *канлы* должны были выдать пострадавшей стороне. При этом *алым* должен был сохраняться в целостности, и если примирения так и не удавалось заключить, а *канлы* был убит «искавшими его крови», то *алым*, также под давлением общины, возвращался наследникам убитого *канлы*. В случае же его естественной смерти или достижения примирения *алым* не возвращался, заменяя таким образом *дият*.

Другим тяжким преступлением, влекущим за собой кровомщение, признавалось всякое сексуальное насилие. Однако факт изнасилования женщины считался имевшим место только в том случае, если потерпевшая в момент совершения преступления огласила об этом криком, нанесла насильнику какие-либо ссадины, царапины и т. п., или сорвала с него что-либо, имевшееся на нем, т. е. в данном случае у потерпевшей должны были иметься прямые доказательства. Характерно, что жалобы об изнасиловании со стороны женщин, известных своим предосудительным поведением, как правило, не принимались во внимание и не рассматривались судом. При этом следует иметь в виду, что поцелуи, объятия, иные формы домогательства и даже такое чисто символическое действие, как совершенное публично срывание платка с головы женщины, приравнивались к изнасилованию по тем последствиям, которые ожидали совершившего его.

Изнасилования, как и убийства, подразделялись на два типа, в зависимости от того, в отношении кого оно было совершено. Уличенный насильник объявлялся *канлы* родственников потерпевшей, однако если преступление было совершено в отношении девушки или свободной женщины, скрывшийся из поселения *канлы* имел шансы на примирение, тогда как у совершившего преступление в отношении замужней женщины эти шансы были равны нулю.

К сказанному надо добавить, что в Дагестане каждому предоставлялось право безнаказанно убить нападавшего в пределах допустимой обороны и в состоянии аффекта. Так, согласно повсеместно бытовавшим адатам, каждый мог безнаказанно убить напавшего на него из засады, вора, застигнутого хозяином дома на месте преступления, похитителей женщины при их преследовании, а муж – застигнутых в прелюбодеянии жену и любовника. Но в последнем случае безнаказанно дозволялось убить одновременно обоих, что лишний раз должно было подтвердить состояние аффекта. Иначе совершенное в отношении одного из прелюбодеев убийство не рассматривалось как дозволенное адатом и влекло за собой те же последствия, как если бы имело место обыкновенное убийство.

Таким образом, можно заключить, что традиционный Дагестан не только не знал неупорядоченной, приводящей к взаимоистреблению кровной мести, но и смертной казни как безусловной меры наказания.

Столь же скрупулезно дагестанское обычное право регламентировало процедуру похищения женщины с целью вступления с ней в законный брак. Следует подчеркнуть, что похищение женщины или девушки с указанной целью рассматривалось в Дагестане как крайне серьезное оскорбление её родителей или опекунов, и поэтому похититель, а

также его помощники могли быть убиты преследователями без всяких негативных правовых последствий для убивших их.

Однако при удавшемся похищении с последующим согласием похищенной и её близких на брак дело кончалось свадьбой с соблюдением всех принятых в конкретной общине ритуалов. В отдельных общинах за нарушение общественного порядка с похитителем и его пособников [10, с. 129, 157] взимался установленный адатом штраф, тогда как в других он не был предусмотрен [9, с. 83]. Так, согласно «Андалалскому своду» [11], известному дагестанскому памятнику обычного права первой трети XVII в., похититель за нарушение общественного порядка подвергался штрафу в размере 1 быка, и такому же штрафу подвергался каждый из содействовавших ему в его предприятии.

Но всё это было возможно лишь при условии неукоснительного соблюдения похитителем предусмотренных адатом правил похищения. Согласно им похититель должен был поместить похищенную в семейном доме своих ближайших старших родственников или дружественных авторитетных лиц. В отдельных гражданских общинах это правило было осложнено дополнительным условием, в соответствии с которым похищенная должна была быть помещена не просто у частного лица, а непременно в доме лица духовного звания. Предусмотренные правила должны были застраховать похитителя и похищенную от подозрения в том, что они могли вступить в интимные отношения до заключения брака, что в данном случае было категорически запрещено.

Несоблюдение правил похищения расценивалось как рядовое изнасилование со всеми вытекающими правовыми последствиями. И это в свою очередь доказывает, что в традиционном Дагестане освещённое адатом «похищение невесты» служило своеобразным правовым механизмом, позволяющим преодолеть социальное, а порой и экономическое неравенство в матrimониальных отношениях.

При несогласии похищенной её родителей или опекунов заключить брак с похитителем последний возвращал её обратно, присягая с определенным числом своих родственников в том, что все предусмотренные правила были соблюдены, после чего платил штраф обществу и изгонялся из него под условным названием *канлы* на небольшой срок – от 3 до 12 месяцев. Однако убивать его было запрещено.

Наконец, в этом контексте и в свете расхожего мифа о бесправном положении женщины в традиционном дагестанском обществе нельзя не коснуться адатов, регулировавших правила «побега» женщины к мужчине, предпринятого по её инициативе с целью замужества, а также правовые последствия такого побега.

Согласно традиционным дагестанским адатам женщина или девушка могла, исходя из своих личных симпатий, совершить побег к избранному ею мужчине. В этом случае он обязан был на ней жениться с соблюдением всех принятых в её общине норм и ритуалов, однако допускалось их соблюдение по самому минимальному уровню. Для заключения такого брака не требовалось согласие родителей или опекунов убежавшей женщины, а их место занимал кадий того поселения, в котором заключался брак.

Но, как и в случае с похищением женщины, совершившая «побег» по своей инициативе до разрешения создавшейся ситуации должна была находиться вне дома того, к кому был совершен побег. При этом именно мужчине вменялось в обязанность поместить её в семейном доме своих ближайших старших родственников или дружественных авторитетных лиц, а в отдельных гражданских общинах это правило осложнялось требованием помещения её в доме лица духовного звания. В противном случае за каждую ночь, проведенную ею в неподобающем месте, согласно уже цитированному «Андалалскому своду» с мужчины взыскивалось по 1 быку. И, что характерно именно для данного Свода, на совершившую побег женщину за нарушение общественного порядка и вне зависимости от исхода дела налагался штраф в размере 1 быка.

При категорическом несогласии со стороны мужчины вступить в подобный законный брак он со значительным количеством родственников, число которых было определённым для каждой гражданской общины, должен был принести очистительную присягу, подтверждающую отсутствие интимной связи между ним и убежавшей к нему женщиной. Однако по своим последствиям это было крайне непростым и нежелательным исходом дела. Гораздо проще для мужчины, даже женатого, было жениться на совершившей к нему побег, а после дать ей развод. Но в этом случае ему не возмещались те относительно незначительные расходы, которые он вынужденно понес при заключении брака.

В традиционном Дагестане правом на побег к мужчине в матримониальных целях пользовались не только жительницы периферийных районов, где сохранились архаичные обычаи. Иначе тот же «Андалалский свод» не содержал бы соответствующих норм. Более того, такие случаи имели место и относительно недавно, когда Дагестан входил в состав Российской империи.

Так, в антологии «Дагестанские лирики», вышедшей в 1961 г. в издательстве «Советский писатель», в краткой биографической статье, посвящённой известному поэту Юсупу Муркелинскому, который на рубеже XIX–XX веков был кадием в Гази-Кумухе, имамом суннитской соборной мечети во Владикавказе, жил в Ашхабаде, где сотрудничал со Среднеазиатским издательством в качестве консультанта и переводчика на арабский язык, читаем следующее: «Тридцати пяти лет он женился, причём не по выбору родителей, а по любви. Умукусум, которую поэт любил, была круглой сиротой и убежала к нему из дома своих родственников» [12, с. 302].

Литература

1. Гаджиев Т.В. Кавказский наместник А.И. Барятинский и образование Дагестанской области // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2012. № 3. – С. 29–32.
2. Гаджиев Т.В. Традиционное дагестанское местное сообщество как гражданская Община // Журнал прикладных исследований. 2022. Т. 2, № 5. – С. 19–24.
3. Ковалевский М.М. Закон и обычай на Кавказе. – М., 1890. Т. 2.
4. Gamba. Voyage dans la Russia méridionale et particulierement dans les provinces situées Au-dela du Caucase, fait depuis 1820 jusqu'en 1824, par le Chevalier Gamba, consul du roi à Tiflis. – Paris, 1826.
5. Комаров А.В. Адаты и судопроизводство по ним (с приложениями) // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. I. – Тифлис, 1868. – С. 1–79.
6. Шиллинг Е.М. Кубачинцы и их культура. – М.–Л., 1949.
7. Описание Самурского округа // Памятники обычного права Дагестана XVII–XIX вв. – М., 1965.
8. Сборник адатов шамхальства Тарковского и ханства Мехтулинского // Памятники обычного права Дагестана XVII–XIX вв. – М., 1965.
9. Постановления Кайтагского уцмия Рустемхана // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. I. – Тифлис, 1868.
10. Памятники обычного права Дагестана XVII–XIX вв. – М., 1965.
11. Свод решений, обязательных для жителей Андалалского округа // Памятники обычного права Дагестана XVII–XIX вв. – М., 1965. – С. 61–66.
12. Дагестанские лирики. Ю. Муркелинский. Биографическая справка. – Л., 1961. – 403 с.

Поступила в редакцию 10 февраля 2023 г.

UDC 308 (470.67) «14/18»

DOI: 10.21779/2542-0313-2023-38-3-16–23

**Blood Feud and Matrimonial Abduction of a Woman in the Conditions
of Traditional Dagestan**

T.V. Gadjiev

*Dagestan State University; Russia, 367000, Machachkala, M. Gadzhiev st., 43a;
gatam@list.ru*

The article is devoted to debunking the myths circulating in the contemporary public consciousness, unjustifiably archaizing the traditional Dagestani society, based on unreliable narratives about the customs of blood feud and abduction of women for the purpose of marriage in Dagestan. The legal procedures associated with the customs of blood feud and bride abduction in traditional Dagestan are described and their social value is explained with the reference to the Russian official sources, Western European narrative sources and the monuments of Dagestani common law.

Keywords: *Dagestan, adat, blood feud, legal proceedings, blood feud, bride kidnapping.*

Received 10 February 2023